

Реакция Цзян Нина оказалась настолько стремительной, что остальные опомнились лишь пару мгновений спустя. Схватив юношу кто за что, они с огромным трудом оттащили его в сторону.

Адвокат Сун тут же заслонил собой обоих и чеканным, полным стали голосом произнёс:

— Гражданка, только что вы прилюдно допустили оскорбительные высказывания и совершили нападение на господина Лу. Как его официальный представитель, я подаю на вас в суд. В ближайшее время вы получите извещение от нашей юридической фирмы...

Голос адвоката затих за спиной — помощник Лу Чжиханя, крепко держа Цзян Нина за руку, практически силой вывел его из отделения полиции.

Ночной прохладный ветер обжёг лицо, и к юноше наконец вернулось самообладание.

С чего вдруг он вообще полез не в своё дело? Оскорбляли ведь не его! Но в тот миг гнев вспыхнул так слепо, и удерживать его было выше сил.

У любого нормального человека от подобной мерзости кровь бы закипела!

К тому же Лу Чжиханю вообще не пришлось бы тащиться в эту глушь, если бы не он.

Правду говорили в семье Цзян: от него одни неприятности.

Цзян Нин замер на месте и, уставившись себе под ноги, тихо произнёс:

— Я обманул вас. Нарушил условия договора. Не волнуйтесь, навязываться не стану — сейчас же уйду. А то желание... считайте, что я его забираю обратно.

Сделав пару шагов, он услышал за спиной спокойный голос Лу Чжиханя:

— Цзян Нин, ворота школы уже закрыты.

Юноша резко остановился.

И верно. В общежитии давным-давно дали отбой. Даже если удастся перемахнуть через школьный забор, кранты: массивные двери общежития на ночь запираются наглухо.

Сзади раздался тихий шорох — колёса кресла-каталки проехали по асфальту.

Звук едва слышный, но в натянутой тишине ночи Цзян Нину показалось, будто тот отдаётся

громовым эхом у него в ушах.

— Спасибо, что заступился за меня, — проговорил Лу Чжихань.

— Не обольщайтесь, мне просто её рожа не понравилась, — огрызнулся Цзян Нин, сжимая пальцами боковые швы школьных брюк.

Ему редко приходилось бывать в столь жалком положении, а тут — надо же! — Лу Чжихань за один-единственный день дважды застал его врасплох.

И всё же юноша отчаянно пытался сохранить остатки гордости и удержать лицо. Сгибать спину и показывать слабость перед посторонними он так и не научился.

Кажется, гордость оставалась единственным, за что он ещё мог цепляться.

— Не исключено, что ночью полиции потребуются уточнения, — продолжил Лу Чжихань. — Я оставил свой номер, так что тебе придётся провести эту ночь со мной.

«Провести ночь вместе?»

Цзян Нин даже не сразу сообразил, о чём речь.

Он-то уже мысленно настраивался переждать до утра в каком-нибудь круглосуточном мини-маркете.

Но тут к тротуару бесшумно подкатил знакомый белоснежный автодом.

Лу Чжихань поднялся в салон на автоматическом подъёмнике и, поманив юношу изящным жестом, слегка похлопал по мягкому сиденью рядом с собой:

— Заходи, Цзян Нин.

Цзян Нин сработал будто на автопилоте — опомнился лишь тогда, когда уже устраивался в кресле подле мужчины.

Полный абсурд.

И с какой стати он опять едет к Лу Чжиханю?

Автодом скользил по ночной дороге настолько плавно, что не ощущалось ни малейшей тряски.

Уютное тепло мгновенно окутало заиндевшее, затёкшее тело.

Наброшенный на плечи пиджак изливал тонкий, едва уловимый аромат, действовавший умиротворяюще, и на юношу вопреки всему накатила непреодолимая дремота.

В столь поздний час трасса была пустынна. Дорога до поместья Лу заняла от силы минут пятнадцать.

Когда машина остановилась и шофёр уже собирался обернуться с докладом, его взгляд пересёкся со взглядом хозяина.

Продолговатый, ухоженный палец лёг на тонкие губы Лу Чжиханя — призыв к полнейшей тишине.

Водитель на мгновение опешил.

Лишь теперь он разглядел, что юноша, ещё недавно напоминавший дикого, оскалившегося львёнка, сладко спит, беспечно прислонившись к спинке сиденья.

Цзян Нин и сам не понял, как провалился в сон. А когда разомкнул веки, за окнами уже вовсю сияло утро.

Дело дрянь.

Цзян Нин резко подобрался и сел на кровати, но от порывистого движения разбитое тело отозвалось вспышкой острой боли.

— Тсс-с... — вырвался у него болезненный стон.

Остатки сна слетели в мгновение ока. Юноша обвёл взглядом комнату — безукоризненно чистую, светлую. Нежно-лимонное постельное бельё благоухало свежестью и лавандой.

На нём оказалась мягкая пижама свободного кроя, а испачканная в грязи и крови школьная форма уже сушилась на балконе.

Сине-белые полы куртки плавно покачивались под тёплыми лучами утреннего солнца.

Цзян Нину на мгновение показалось, будто всё происходящее — лишь странное сновидение. Задрав рукав, он посмотрел на предплечье: ссадины были аккуратно обработаны мазью и перевязаны.

События минувшего вечера вихрем пронесли в голове.

Юноша в досаде ерошил волосы. Надо же было так опростоволоситься! Наговорил дерзостей, заявил, что уходит, и... безмятежно дрыхнул до утра! Теперь этот человек наверняка подумает, будто он намеренно цепляется за любую возможность остаться!

Он мгновенно соскочил с кровати и переоделся в собственную одежду.

Взгляд зацепился за тумбочку — там лежал исписанный вдоль и поперёк экзаменационный бланк. Цзян Нин замер, глядя на пустую графу «Подпись родителей» в правом верхнем углу, в сердцах скомкал листок и швырнул его в урну.

Однако уже у самой двери остановился, вернулся и выудил мятую бумажку обратно.

Снизу доносились знакомые звуки работающего телевизора.

Лу Чжихань невозмутимо сидел за обеденным столом. Заметив гостя, он лишь на секунду оторвал взгляд от экрана и ровным голосом произнёс:

— Доброе утро.

После чего как ни в чём не бывало вернулся к просмотру скучных финансовых новостей.

Цзян Нин почувствовал себя так, словно его утыкали невидимыми иголками.

Кабы мужчина обрушился на него с упрёками или отчитал по полной программе, было бы куда проще! Но эта невозмутимость... Что, чёрт возьми, она должна означать?

Юноша застыл на месте, совершенно теряясь и не зная, с чего начать разговор.

— Ох, Сяо Цзян, чего же ты на пороге замер? — Тётушка Ван как раз выплыла из кухни с истекающим паром супником в руках. — Господин Лу проговорился, что тебя вчера обидели какие-то хулиганы, так я с самого утра поставила целебный отвар на травах! Выпьешь — синяки быстро сойдут, да и раны затянутся!

— Нынешняя молодёжь совсем страх потеряла, — причитала женщина, наливая полный глубокий ковш и ставя перед ним. — Ну-ка, садись скорее, пока не остыло.

Цзян Нин тяжело сглотнул:

— Тётушка Ван, спасибо, но я не голоден. Пусть господин Лу ест, а мне пора.

— Куда же ты натошак уйдёшь? Какое бы ни было дело, сперва позавтракать надо!

Не давая возразить, она мягко взяла его за рукав и буквально усадила на стул.

— Выпьешь бульон, а потом господин Лу подбросит тебя до школы, аккуратно к началу уроков успеешь.

Пиала, уткнувшись в ладони, согревала приятным теплом.

Лу Чжихань наконец оторвался от экрана:

— Ешь.

Превозмогая себя, Цзян Нин осилил отвар и больше не притронулся ни к какому кушанью.

Он молча наблюдал, как хозяин дома неспешно расправляется с завтраком, с трудом сдерживая рвавшиеся наружу слова. Ожидание растянулось на целых полчаса.

И едва мужчина отложил палочки, юноша выпалил на одном дыхании:

— Лу Чжихань, вчерашнюю шпану отделал именно я.

— Знаю, — спокойно отозвался тот.

«Знает?»

«Знает — и всё равно наплёл тётушке Ван, будто меня обидели?!»

Цзян Нин прекрасно помнил силу собственных ударов. По сравнению с его парочкой синяков тем мерзавцам досталось по полной: без пары недель в постели они точно не оклемаются.

Он глубоко вздохнул и сжал кулаки:

— Я нарушил соглашение.

— И в чём же выражается твоё нарушение?

— Я дрался, матерился, лгал вам... И вообще!

Раз уж дело дошло до крайности, скрывать не имело смысла. Цзян Нин с размаху шлёпнул на стол мятую экзаменационную работу по математике:

— Я конченный, пропащий паршивец!

Выпалив всё на одном дыхании, он наконец почувствовал, как тяжёлый ком, давивший на грудь, немного рассосался.

Изящная, ухоженная рука подняла со стола скомканный бланк. Пальцы Лу Чжиханя бережно расправили загнутые края, открывая взору выведенную ярко-красными чернилами вопиющую цифру «9».

Мужчина, должно быть, отродясь не встречал столь ничтожных результатов.

Цзян Нина обдало паром — лицо вспыхнуло до корней волос, пальцы судорожно впились в ткань брюк. За все те многочисленные разы, когда его чихвостили перед всем классом, ему не было и вполтину так стыдно, как сейчас.

— Каждый имеет право на ошибку и неудачу, — спокойно произнёс Лу Чжихань, изучая работу. — Пусть итоговый балл невысок, но твоё намерение исправиться, судя по исписанным листам, вполне искреннее.

Мужчина указал на пустую строку для подписи родителей:

— Здесь нужно расписаться?

— Угу... — буркнул Цзян Нин, не поднимая головы.

Лу Чжихань достал из кармана перьевую ручку и лёгким, изящным росчерком оставил автограф.

Аристократическая вязь смотрелась на заляпанном листке словно прекрасный цветок, распутившийся посреди грязи.

Цзян Нину стало до того неловко, что хоть сквозь землю провалились.

Закрыв колпачок, Лу Чжихань протянул бумагу юноше:

— Тот договор, что ты подписал, призван дисциплинировать тебя, но это вовсе не означает, что за проступок тебя сразу отправят на эшафот.

Он сделал паузу и добавил:

— Впрочем, раз уж правило нарушено, наказание всё же последует — дабы впредь было неумоготу повторять ошибки.

Слово «наказание» отчего-то принесло Цзян Нину некое облегчение.

Оглядевшись по сторонам, он сбегал на кухню, вернулся с увесистой скалкой и, сунув её в руку Лу Чжиханю, покорно повернулся спиной и нагнулся:

— Давайте.

— Ты что удумал? — опешил тот.

— Вы же сами сказали — наказание, — отчеканил юноша. — Этой неудобно? Принести ремень, плечики или что потяжелее?

Лу Чжихань лишился дара речи.

Положив скалку толщиной с запястье на стол, он опустил широкую ладонь на плечо парня.

Цзян Нин вздрогнул, готовый к удару, но вместо боли ощутил лишь спокойное, убаюкивающее тепло.

— Выпрямись. Я имел в виду совершенно иное.

«А разве бывает какое-то другое наказание?»

Цзян Нин поневоле вспомнил жизнь в отцовском доме. За любой проступок его нещадно пороли — правда, толку от этого было чуть: то ли кожа у него оказалась слишком толстой, то ли характер чересчур упрямым, но после каждой порки он всё равно поступал по-своему.

Лу Чжихань постучал пальцем по бланку:

— Насколько мне известно, в следующем месяце у вас промежуточные экзамены. Поднимись в общем рейтинге на пятьдесят строчек вверх. Как тебе такое наказание?

Цзян Нин лишился слова.

«Знаете... лучше уж выпорть меня».

Видя его гробовое молчание, Лу Чжихань невозмутимо пояснил:

— В вашей параллели шесть обычных классов, всего триста четыре ученика. На прошлых испытаниях ты занял трёхсотое место. Подняться на пятьдесят позиций для тебя не составит особого труда.

Цзян Нин поджал губы.

«Мог бы и не выяснять всё до мельчайших подробностей...»

<http://bllate.org/book/19724/1942995>